

Кустодиев Борис Михайлович 4.06.04.

ВЫСТАВКА Газета — 2004 — 4 июня с. 12

раскинулась "страна Кустодия"

Борис Кустодиев в Третьяковке

II СЕРГЕЙ САФОНОВ

В последние несколько недель Третьяковская галерея «выстрелила» таким количеством новых выставок — осмысленных и не очень, что вернисаж перебравшейся из Русского музея экспозиции живописи и графики Бориса Кустодиева (1878—1927) оказался почти незамеченным.

Конечно, не стоило назначать торжественное открытие экспозиции, уже сорвавшей аплодисменты питерской публики и художественной критики, минута в минуту с официальным открытием Московского международного салона изящных искусств в галерее Зураба Церетели. Неплохо ведь уже известно: то, что есть у нас своего, обывательским сознанием ценится значительно меньше, чем всякая заезжая антреприза. У Церетели — магия больших денег, чужого успеха, экзотических имен. А Кустодиев свой, всегдашний: только назовешь фамилию, и в памяти тут же всплывают купчихи, масленичные катания на санях и гигантский большевик, шагающий, не разбирая дороги, под красным флагом. Но в том-то и ценность очередной кустодиевской выставки (приуроченной, кстати, к 125-летию со дня рождения мастера), что обширная экспозиция — около ста пятидесяти произведений — дает возможность взглянуть на его наследие если уж не радикально по-новому, то хотя бы отбросив давние стереотипы. Основания для этого есть: помимо хрестоматийных вещей из фондов ГРМ и ГТГ в залах присутствуют довольно экзотические произведения из Нижнего Новгорода, Петергофа, Иваново, Саратова и Тюмени, а также из Минска.

Кустодиев — уроженец Астрахани. Там же, на родине, он получил первые уроки рисования, однако факт его попадания в 1896-м в Академию художеств «на воспитание» к Савинскому, Репину и Стеллецкому по своему значению несравним с робкими начальными опытами творчества. В 1904-м Кустодиев — пансионер Академии во Франции и Испании, в 1909 году — уже академик, с 1911-го — участник общества «Мир искусства». Впрочем, уже тогда патриархальные сюжеты в духе Рябушкина привлекали его значительно больше, чем увлеченность многих «мирискутников» темами, восходящими к западноевропейскому XVIII столетию. Устраивая нынешнюю выставку, музейщики в известном смысле рисковали властью как раз в патриархальность — но, к их чести, этого не произошло. Экспозиция очень достойно рассказывает о Борисе Кустодиеве как о приверженце чинного житейского уклада, но не более того. Ближе к входу расположились «На охоте» (1905) и другие автопортреты, изображения близких и жанровые композиции с их участием, вроде картины «На террасе. Портрет семьи» (1906), хранящейся в нижегородском

Художника можно считать автором российского канона в изображении обнаженной женской модели (Борис Кустодиев, «Красавица», 1915)

музее. Правда, публике больше известна написанная на ее обороте уже в середине 1920-х «Русская Венера» — одновременный гимн обнаженной женской натуре и русской бане.

Дальше следуют «Сенокос» (1917), «Осень в провинции» (1926), сцены зимних праздничных гуляний, летний пейзаж с высоким небом и беззаботными дачниками, едущими на телеге по сельской дороге, — образы недавнего прошлого совершенно в духе прозы Куприна, Чехова или Шмелева. Другое дело пресловутые «Купчихи»: стоящие в полный рост, наливающиеся чаем за уставленными снедью столами. Удивительно, но даже события 1917 года не поколебали привязанностей живописца, с молодости сделавшего своей визитной карточкой круг персонажей пьес Островского. Возможно, одной из причин стабильности сюжетных интере-

сов Кустодиева стала тяжелая болезнь, на десятилетия приковавшая его к инвалидному креслу. Особое место на выставке занимают портреты — они расположены как бы вне общей хронологии экспозиции. Изображено множество художников-современников: Билибин, Грабарь, Стеллецкий, Милиоти, Сомов, Рерих (есть, кстати, и попытка группового портрета членов «Мира искусства»). Даже холсты «На приеме. Портрет священника и дьякона» (1907) и «Монахиня», написанная годом позже, не вызывают того зрительского отторжения, на которое провоцируют творения нынешних поощряемых властью портретистов. В глубине висят многочисленные театральные работы, опять же Островский или Лесков, а также замечательные рисунки: энергичные «Пароход у пристани», «На улице ночного города», «Автопортрет с женой в санях»... Грандиозная выставка.